

**МАРКЕРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ**

Отечественные исследователи, основываясь на «этнических границах» Ф. Барта отмечают, что для маркировки различий и определения групповых границ могут иметь значение не только «культурные характеристики». Этническими разграничителями могут становиться политические представления-маркеры, вокруг которых концентрируется этническая солидарность, подчас более массовая и мощная, чем та, которая обеспечивается некими культурными символами (Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. 1998. С. 5).

В настоящее время малочисленным дагестанским народам характерна политизация культурно-национальных и этноязыковых проблем на государственном уровне, обусловленная отсутствием национальной политики в решении их этнических и социально-экономических проблем. Ситуация реального использования родного языка не только малых, но и многочисленных народов республики за прошедший период мало изменилась. Язык и этническая культура являются этноинтегрирующими признаками, поэтому социальный статус национального (родного) языка является предметом гордости или же униженности и ущемленности этнического образования, ибо «национальная культура у нас в стране была в загоне, как и национальные языки» (Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., 1997. С. 44).

Повышение социальной и политической активности этносов не снижает значимости национальных языков и родной язык остается важнейшим компонентом в структуре этнической идентичности, значимым этническим идентификатором. Происходящее сокращение функций национальных языков в республике практически во всех сферах способствовало тому, что определенная часть этнических групп стала считать русский язык родным. Поэтому этнолидеры малочисленных дагестанских народов актуальной считают борьбу за сохранение национального языка и более того, такая борьба является формой отстаивания национальной идентичности, выражением национального самосознания, защиты социальных и экономических интересов этноса. Язык в качестве особой знаковой системы выполняет двоякую функцию: с одной стороны, как средство коммуникативного поведения, которое способствует достижению согласованности в поведении людей, с другой – как воплощение культурно-исторического опыта, уникальное достояние государства, поэтому родной язык остается приоритетным этнообъединяющим признаком.

Исследователи, занимающиеся межнациональной проблематикой, порой не акцентируют внимание «на социальном статусе и функционировании миноритарных языков... Недооценка этого фактора в ходе осмысления национальных отношений во многом определяется мнением, что вся межэтническая коммуникация может довольно эффективно и адекватно осуществляться на более распространенном в данном социуме (мажоритарном) языке.... Неоправданное сужение функциональности миноритарного языка создает у носителей оногу внутреннюю психологическую напряженность, подчас имеющую скрытый характер и резко проявляющуюся в моменты социально-экономических потрясений» (Дьячков М.В., 1995. С. 67).

Вопрос «Ваш родной язык» по существу отражает языковую самоидентификацию, причем она может означать, а может и не означать реальное значение того или иного языка для респондента. В условиях интенсивной межэтнической и языковой аккультурации основным языком для человека может и не быть язык той национальности, к которой он себя причисляет (Чешко С.В., 2000. С. 85), иными словами для некоторых этносов вопрос лингвистической идентичности может быть практически неактуализированным.

В процессе этнической социализации молодого поколения родной язык выполняет множество уникальных функций, которые невозможно равноценно восполнить никакими другими средствами. Данная уникальность подтверждается, прежде всего, особым значением родного языка в структуре личностной и коллективной этнической идентичности: «приобщенность к важнейшему признаку этнической культуры – к национальному языку, как хранителю и ретранслятору духовных ценностей, выражающему менталитет и характер народа, национальные чувства углубляет у его носителей ощущение принадлежности к данному этносу, формирует национальное самосознание, без которого нет самой этносоциальной целостности. Вот почему

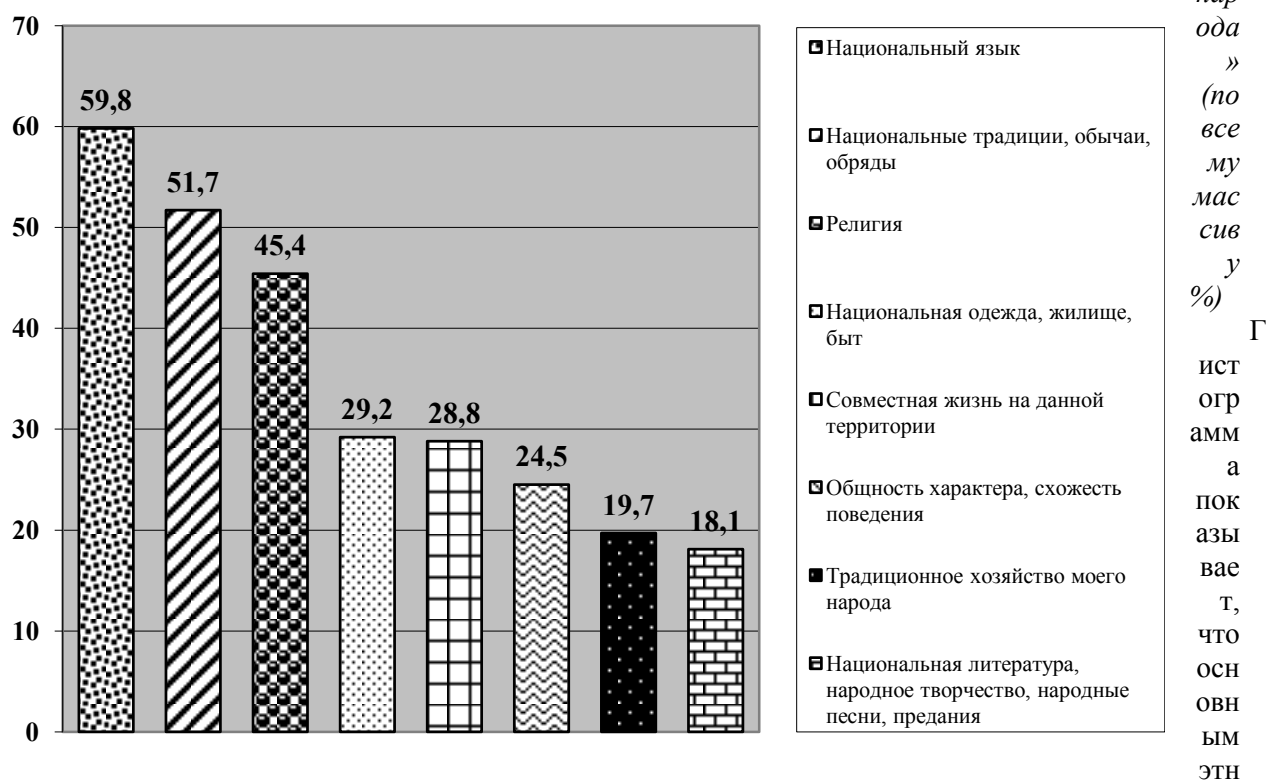
велика и непреходяща роль родного языка в этническом становлении и социализации каждой личности» (Тухватуллин Р.М., 1997. С. 49).

В данной статье на основе результатов социологического исследования рассматриваются маркеры воспроизводства этнической идентичности малочисленных дагестанских народов.

Характеристика социологического исследования. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности и этноязыковых процессов малочисленных дагестанских народов проведено в 2011 г. в районах их компактного проживания: Агульском (сс. Хутхул, Тпиг), Ахвахском (сс. Карата, Тадмагитль), Ботлихском (сс. Ботлих, Гагатли, Верхнее Годобери), Бабаюртовском (сс. Новый Борч, Кальял), Дахадаевском (с. Кубачи), Кайтагском (сс. Маждалис, Джирбачи), Рутульском (с. Кина (рутульцы), с. Гемлец (цахуры), Цумадинском (сс. Верхнее Гаквари, Хонох, Хваршии, Тинди, Хуштада), Цунтинском (сс. Кидеро, Гутатли, Генух, Зехида), Хасавюртовском (с. Муцаул), Чародинском (с. Арчиб) районах, Бежтинском участке (сс. Бежта, Гунзиб). Методом случайного отбора опрошено в андо-цезской группе 1456 чел., даргинской группе – 255 чел. и лезгинской группе 512 чел.

Представления малочисленных дагестанских народов об основных этнообъединяющих признаках своей этнической общности показывают ответы наших респондентов на вопрос: «Что роднит вас с людьми вашей национальности?». Эти компоненты или структурообразующие этнической идентичности одновременно являются факторами этнической самоидентификации, влияющими на ее формирование, содержание и развитие (Гистограмма 1).

Гистограмма 1. Распределение ответов на вопрос «Какие признаки сближают вас с представителями вашего народа»

объединяющим признаком для малочисленных дагестанских народов является «национальный (родной) язык» (по группам: даргинская 66,7%, андо-цезская 64,6%, лезгинская 48,3%), среди них агулы (40,5%), цахуры (50,2%), рутульцы (52,2%), бежтинцы (59,3%), хваршины (62,1%), кубачинцы (62,5%), ахвахцы (66,9%), кайтаги (70,9%), каратинцы (72,6%), ботлихцы (74,0%), гинухцы (78,2%), гунзибцы (78,3%), арчинцы (79,0%), тиндинцы (81,8%), чамалалы (85,0%); данный маркер занимает последнее место из предложенных 8 критериев в позициях годоберинцев (9,8%).

Национальный язык, являясь одним из важнейших этнообъединяющих признаков, выступает как символ единства народа. Необходимо отметить, что исследователи все чаще отмечают тот факт, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессе формирования чувства

родственности с общностью и межгрупповой дифференциацией. Чем в меньшей степени люди владеют своим национальным языком, тем более значимой среди этноидентифицирующих признаков они считают общность исторической судьбы, исторической памяти своего народа.

Исследователям характерны различные позиции о роли языка в структуре этнической идентичности. Часть исследователей склонна считать, что потеря языковой компетенции понижает значение языка в структуре этнической идентичности, следовательно, и других признаков идентичности, что необходимо приводит к языковой, а в последующем и этнической ассимиляции, потому что, «утрачивая язык, народ перестает психологически осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, мажоритарные этносы» (Нерозник В.П., 1994. С. 16 – 28). Другая часть исследователей разделяет позицию, что снижение объединяющей роли языка в этнической идентичности, обусловленные потерей языковой компетенции, замещается иными элементами, утрата какого-либо этнического признака не свидетельствует об ассимиляции: «в случае ослабления интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса, и общая система этнического сознания остается, в целом, неизменной» (Губогло М.Н., 1997. С. 183), т.е. вызывает своего рода «возмущение этнического самосознания, которое выискивает иные символы этнической преемственности» (Аклаев А.Р., 1990. С. 20). Однако «ослабление интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности к остальным элементам этнической идентификации и через этот промежуточный этап – деэтнизацию – кладет начало процессу этнической ассимиляции» (Губогло М.Н., 1997. С. 183). Надо отметить, что малочисленные дагестанские народы, несмотря на сужение роли их родных языков, ярко проявляют свою этническую идентичность и сохраняют свою национальную самобытность, выражающуюся через идентификацию себя, в первую очередь, по языку – язык является одним из символов единства народа и основным этноидентифицирующим маркером: «всякая национальная культура строится, прежде всего, на языке, и национальная идентификация включает в себя владение этим языком в качестве основополагающего момента» (Здравомыслов А.Г., 2001. С. 44). Более того, наше исследование демонстрирует возможность существования обеих позиций, хотя и с некоторыми оговорками. При снижении интегрирующей роли языка повышается значимость других компонентов этнической идентичности, не связанных столь тесно с языком, к числу которых относятся общность происхождения, исторического прошлого, общность религии, соционормативной культуры, неязыковых форм духовной культуры (музыка, танцы), выполняющие компенсаторную роль.

На следующей позиции располагается признак «*национальные традиции, обычаи, обряды*» (по группам: андо-цезская 62,3%, даргинская 48,6%, лезгинская 35,3%), в частности, чамалалы (85,0%), тиндинцы (81,8%), арчинцы (79,0%), гунзибцы (78,3%), гинухцы (78,2%), ботлихцы (74,0%), каратинцы (72,6%), ахвахцы (66,9%), андийцы (64,8%), хваршины (62,1%), бежтинцы (59,3%), цезы (50,7%), агулы (41,4%), рутульцы (35,4%), цахуры (32,2%), кубачинцы (56,3%), кайтаги (41,9%). В отличие от других этносов первое ранговое место, как индикатор самоидентификации, в позициях андийцев, ботлихцев, цезов, гинухцев, годоберинцев занимают «*национальные традиции, обычаи, обряды*». Опрошенные проживают в сельской местности, что обуславливает, во-первых, сохранение и передачу национальных традиций и обычаев будущим поколениям, во-вторых, их относительно хорошее знание. Иными словами, проявляется весомость этнических особенностей, поэтому такое бережное отношение к элементам духовной и материальной культуры своего народа.

Маркер «*совместная жизнь на данной территории*» (по группам: андо-цезская 32,2%, даргинская 31,4%, лезгинская 26,2%) выделена гунзибцами (56,5%), ботлихцами (46,0%), арчинцами (45,7%), тиндинцами (41,6%), андийцами (40,0%), рутульцами (38,1%), цахурами (23,9%), кубачинцами (38,3%), кайтагами (22,2%), агулами (18,0%). Определенную этнообъединяющую роль выполняет «*национальная одежда, жилище, быт*» (по группам: андо-цезская 30,9%, даргинская 29,8%, лезгинская 28,3%). Данный признак выделен каратинцами (72,6%), гинухцами (72,4%), годоберинцами (67,4%), хваршинами (40,7%), рутульцами (30,1%), цахурами (33,7%), кубачинцами (31,3%) и кайтагами (29,1%).

Относительно слабее выглядит позиция маркеров «*национальная литература, народное творчество, сказки, народные песни, предания*» (по группам: даргинская 11,0%, андо-цезская 17,5%, лезгинская 23,4%) среди них каратинцы (47,2%), рутульцы (26,5%), цахуры (24,4%), кайтаги (12,8%), кубачинцы (8,6%), «*общность характера, схожесть поведения*» (по группам: андо-цезская 29,8%, лезгинская 19,5%, даргинская 11,0%) – каратинцы (47,2%), хваршины (42,1%), рутульцы (22,1%), цахуры (20,0%), кубачинцы (9,4%), кайтаги (12,0%) и «*традиционное*

хозяйство моего народа» (по группам: даргинская 13,7%, лезгинская 19,7%, андо-цезская 20,4%) – гунзибцы (40,2%), багулалы (38,3%), гинухцы (37,3%), цахуры (29,8%), рутульцы (17,7%), кубачинцы (17,2%), кайтаги (9,4%).

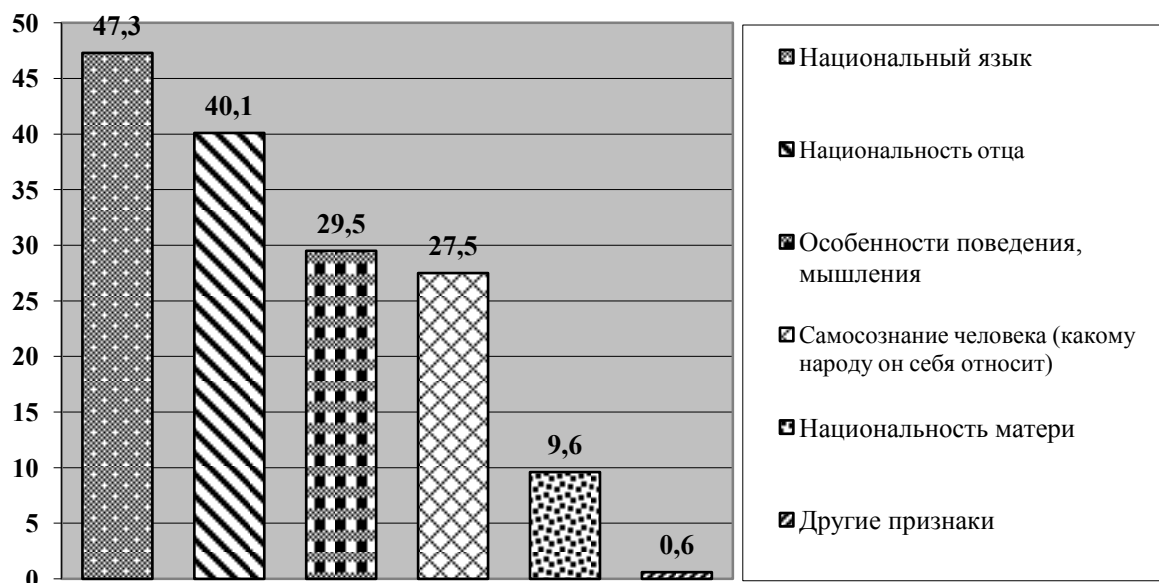
Респонденты в качестве признака, сближающего их с представителями своей этнической общности, относительно редко называют религию, однако в качестве значимого маркера выделили не собственно этнический признак, а *«религиозную принадлежность»*: по группам – андо-цезская 58,4%, лезгинская 19,3%, даргинская 16,5%, в том числе чамалалы (86,3%), годоберинцы (82,6%), андийцы (77,0%), багулалы (70,0%), хваршины (67,6%), гунзибцы (64,1%), ботлихцы (63,0%), арчинцы (58,0%), бежтинцы (58,2%), тиндинцы (53,2%), ахвахцы (50,0%), цезы (43,3%), рутульцы (23,0%), агулы (18,0%), цахуры (18,0%), кайтаги (15,4%), кубачинцы (14,8%). В отличие от андо-цезской, лезгинская и даргинская группы мало внимания уделяют конфессиональному компоненту как этноинтегрирующему признаку, и данный маркер доминирует в позициях андо-цезов в отличие от даргинской и лезгинской групп.

Анализ религиозной ситуации в российском обществе свидетельствует о тесной связи между религиозными и этническими компонентами, причем корреляция между конфессиональной и национальной принадлежностью исторически присуща дагестанским народам. Возрастание религиозного фактора характерно для постсоветского периода, когда началось религиозное возрождение, сопровождавшееся заметным усилением религиозной идентичности и актуализацией ее в иерархии социальной идентичности. Неконтролируемое проникновение на территорию республики зарубежных миссионеров, как и неконтролируемый выезд на обучение за рубеж и ряд других проблем уже социально-экономического, политического и т.д. характера привели к появлению в Дагестане салафизма, религиозного экстремизма, которые дестабилизируют современное дагестанское общество.

В отличие от народов, входящих в состав лезгинской и даргинской группы, в массовом сознании андо-цезских народов этническая принадлежность тесно связана с конфессиональной: «анализ разных аспектов современной религиозной ситуации в России приводит к заключению о тесной связи между религиозностью и этничностью. Без учета сопряженности религиозной и этнической идентичности невозможно понять многие другие аспекты религиозной ситуации в стране (например, проблему прозелитизма или формирование религиозного законодательства) и адекватно их оценить» (Казьмина О.Е., 2009. С. 3). Более того, в стратегии межэтнических установок андо-цезы определяют важность религиозной принадлежности с формулировкой – «главное, чтобы верующим (-ей) был (-а)», «главное, чтобы мусульманином (-ой) был (-а)», поэтому «религиозная идентичность сейчас во многом обретает черты культурной идентичности» (Гараджа В.И., 2006. С. 45). Проведенный автором социологический опрос по изучению религиозной ситуации в республике (2008 г.), также подтверждает вывод о том, что религия становится своеобразным компонентом национальной культуры и актуализируется в процессе самоопределения. Более половины респондентов придерживаются мнения *«религия моего народа есть составная часть культуры моего народа»* (65,3%) и только 15,1% не разделяют данное суждение. Применительно к дагестанским этносам религиозной идентичности характерно наличие особой значимости и значения, поэтому для андо-цезов религиозная идентификация является одним из значимых социальных компонентов.

Специфика религиозной идентичности заключается в том, что представитель любого дагестанского народа изначально воспринимается как мусульманин, независимо от уровня его религиозности. Если для цивилизованных стран вопрос о вере является сугубо личным вопросом и отсутствует стремление распространять свои убеждения на общество в целом, то для Дагестана религиозное возрождение и распространение ваххабизма имеет далеко идущие последствия. Проблема веры из области частной жизни переносится в общественную и данный фактор в периоды опасности выявляет заключенный в нем объединяющий потенциал. Вместе с тем необходимо учесть существование глубокого внутррелигиозного конфликта, характерного для современного дагестанского общества, и он отрицательно отражается на этнической идентичности, разрушая внутриэтнические связи и размывая чувство национальной принадлежности.

Распределение ответов на вопрос «Что необходимо учитывать, в первую очередь, при

определении национальности человека?» (по всему массиву%)

Гистограмма демонстрирует, что основными маркерами этнической принадлежности являются «национальный язык» (по группам: лезгинская 48,0%, андо-цезская 48,6%, даргинская 56,1%), «национальность отца» (по группам: лезгинская 24,8%, даргинская 38,8%, андо-цезская 47,5%), «самосознание человека (к какой национальности он себя относит)» (по группам: даргинская 22,4%, лезгинская 24,8%, андо-цезская 30,4%), «особенности поведения, мышления» (по группам: лезгинская 44,1%, андо-цезская 26,2%, даргинская 25,5%) и «национальность матери» (по группам: лезгинская 16,5%, даргинская 14,5%, андо-цезская 7,2%). По этнической принадлежности значимым критерием для бежтинцев (46,2%), кайтагов (48,7%), рутульцев (48,7%), андийцев (52,0%), хваршин (54,5%), цахур (57,1%), ахвахцев (58,5%), кубачинцев (61,7%), гунзибцев (66,3%), чамалалов (70,0%), каратинцев (100%) является «национальный язык»; арчинцы (53,1%), цезы (58,0%), гинухцы (79,3%) указали на «самосознание человека (к какой национальности он себя относит)». Важным для агулов (59,5%) и тиндинцев (40,3%) являются «особенности поведения, мышления». На уровне обыденного сознания индивиду характерна идентификация по более простым критериям, в частности, по этнической принадлежности родителей, поэтому «национальность отца» актуальна для багулалов, ботлихцев (по 70,0%), годоберинцев (58,6%) – 1 ранговое место, кайтагов (41,9%) и кубачинцев (35,9%) – 2 ранговое место; в отличие от них на третьей позиции у рутульцев (37,2%), цахур (23,9%), на четвертой у агулов (14,4%). Годоберинцы последовательны в своих позициях, поэтому «национальный язык» как индикатор при определении национальности человека у них равен 17,4%, уступая место другим признакам.

Таким образом, полученные результаты показывают большую осознанность принадлежности к этнической общности опрошенных народов и национальный язык сохраняет значение в качестве компонента этнической идентичности. Вместе с тем в общественном сознании опрошенных народов встречаются противоречивые суждения, в частности, национальный язык не всегда выполняет этнообъединяющую функцию (Таб. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» (%)

Варианты ответов // Национальности	Знать свой национальный язык	Знать и соблюдать национальные традиции и обычаи своего народа	Быть сопричастным своему народу, его национальной культуре
Андийцы	16,4	63,6	18,8

Арчинцы	21,0	40,7	32,1
Ахваццы	29,7	52,5	14,4
Багулалы	50,0	38,3	8,3
Бежтины	14,3	57,1	26,4
Ботлихцы	31,0	43,0	13,0
Годоберинцы	1,1	98,9	0
Генухцы	3,4	33,3	4,6
Гунзибцы	29,3	40,2	22,8
Дидойцы (цезы)	36,7	32,0	28,0
Каратинцы	74,5	25,5	0
Тиндинцы	23,4	61,0	13,0
Чамалалы	36,3	41,3	20,0
Хваршины	36,6	43,4	16,6
Андо-цезская группа всего:	28,8	48,2	16,1
Кубачинцы	21,1	45,3	21,9
Кайтаги	49,6	35,9	9,4
Даргинская группа всего:	34,5	41,2	15,7
Агулы	20,7	51,4	19,8
Рутульцы	23,9	49,6	11,5
Цахуры	42,4	38,5	11,7
Лезгинская группа всего:	32,0	44,8	13,7

Как видно из таблицы, позиция респондентов кардинально меняется в ответах на второй вопрос. Значимость национального языка значительно снижается в общественном сознании опрошенных народов, за исключением багулалов, каратинцев и кайтагцев, которые последовательны в своих суждениях.

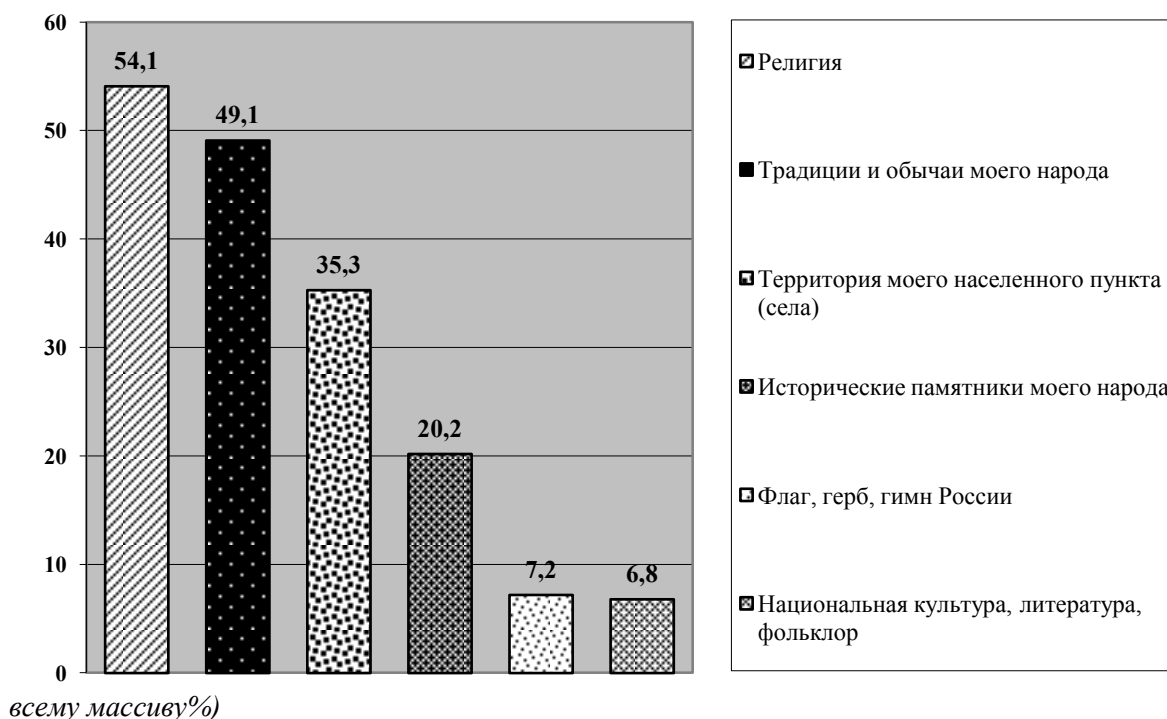
По нашему исследованию осознание представителем своего народа предполагает «знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа», иными словами респонденты акцентируют внимание на родословных корнях. Однако, опрошенные, хотя в других вопросах отмечали в качестве этноопределителя национальный язык, в данном вопросе отодвинули его на вторую позицию. Таким образом, респонденты, выделяя в качестве этноопределителя национальный язык, подразумевают владение им необязательным, следовательно, этническая самокатегоризация у малочисленных дагестанских народов осуществляется, в первую очередь, на основании культурно-языковых характеристик. Национальный язык не всегда занимает лидирующее положение среди этноинтегрирующих признаков, хотя его эмоционально-психологическая ценность в представлениях респондентов довольно высока. Преобладающая часть опрошенных владеет своим национальным языком. При этом надо учесть, что коммуникативные функции языков малочисленных народов в семейно-бытовой, производственной и иных сферах неодинаковы и в современном дагестанском обществе русский язык стал вторым родным языком и используется как средство межнационального общения, впрочем, нередко и как средство внутриэтнического общения. Обозначенный статус русского языка повышает его функциональную значимость.

Наше исследование фиксировало рост значимости этнической культуры в структуре ценностей. Парадоксально, несмотря на то, что знание языка и культуры как условие принадлежности к своей этнической группе признают значительное количество респондентов, в уточняющих вопросах обучение предпочитают вести на русском языке, т.к. он является языком межнационального общения.

Исследование этнической идентичности предполагает выявление ее символов и ценностей (Гистограмма 3).

Гистограмма 3.

Распределение ответов на вопрос «Какие ценности для вас имеют наибольшее значение?» (по

При выявлении наиболее значимых этнических ценностей и символов «*религия*» занимает первое место в позициях лезгинской (43,9%) и андо-цезской (61,3%) группы, в то время как «*традиции и обычаи моего народа*» доминируют в даргинской (56,9%); на второй позиции у даргинской (43,9%) «*территория моего населенного пункта (села)*», на третьей у андо-цезской (38,6%) группы. Статус символов «*исторические памятники моего народа*», «*национальная культура, литература, песни, музыка, танцы, фольклор (предания)*», «*флаг, герб и гимн России*» менее актуализирован для исследуемых общностей.

В ходе исследования на ценность традиций и обычаев своего народа указали каратинцы (100%), годоберинцы (89,1%), кубачинцы (72,7%), андийцы (70,9%), бежтинцы (63,7%), гунзибцы (63,0%), тиндинцы (62,3%), ботлихцы (58,0%), ахвахцы (48,3%), арчинцы (46,9%), чамалалы (45,0%), агулы (33,3%), рутульцы (29,2%). Значимость символа «*территорию своего населенного пункта (села)*» обозначили годоберинцы (91,3%), арчинцы (58,0%), багулалы (55,0%), хваршины (50,3%), чамалалы (47,5%), кубачинцы (46,9%), бежтинцы (44,0%), тиндинцы (41,6%), цезы (38,0%), ботлихцы (36,0%), гунзибцы (34,8%), каратинцы (27,4%) и ахвахцы (16,9%).

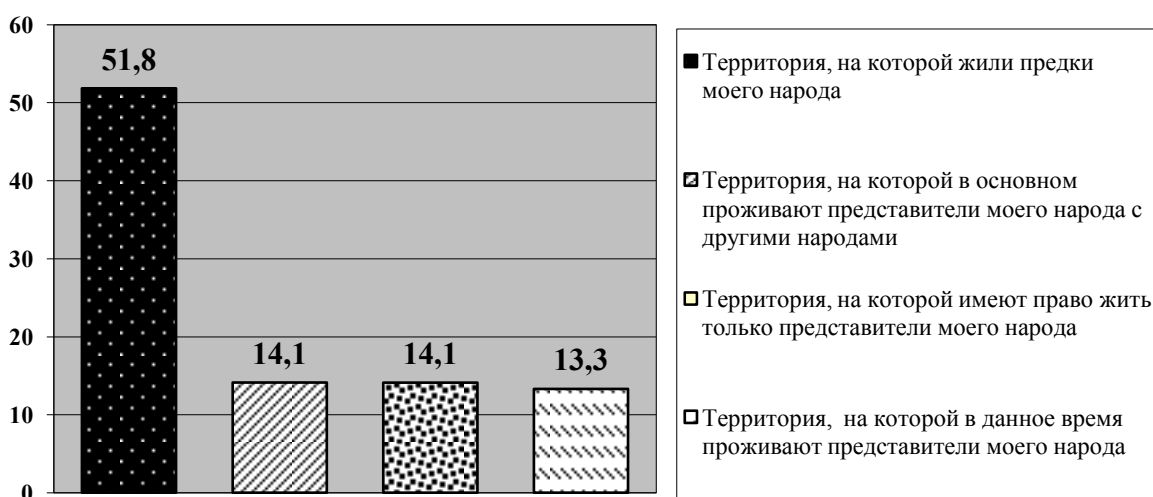
На «*исторические памятники своего народа*» указали каратинцы (72,6%), гинухцы (65,5%), цезы (30,0%), рутульцы (26,5%), цахуры (26,3%), ахвахцы (23,7%) и гунзибцы (20,0%); «*флаг, герб и гимн России*» (11,0% ахвахцев, 27,4% рутульцев, 27,8% цахур), «*национальная культура, литература, песни, музыка, танцы, фольклор (предания)*» выделили цахуры (22,9%), рутульцы (13,3%), гунзибцы (10,9%), тиндинцы (10,0%) и гинухцы (8,0%). Как видим, по полученным результатам, в общественном сознании малочисленных народов преобладает предпочтение собственно этнических символов и ценностей, а ценности государственной символики отходят на второй план.

Одним из компонентов этнической идентичности является территория, обозначаемая как «*историческая территория*» и «*родная земля*». Ценность земли как значимого признака этноса отмечал Л.Н. Гумилев, анализируя влияние характера ландшафта на облик этноса (Гумилев Л. Н., 1990. С. 186–194).

С целью более глубокого изучения индикаторов воспроизводства этнической идентичности в опросе по изучению этнической идентичности выявлялась значимость территории как этнопризнака (Диаграмма 1).

Диаграмма 1.

Распределение ответов на вопрос «Что вы понимаете под исторической территорией своего народа?»

наро
да?»
(по
всем
у
масс
иву
%)
П
о
подг
рупп
ам
прев
алир
ует
пози

ция «территория, на которой жили предки моего народа» (андо-цезская 62,9%, даргинская 47,5%, лезгинская 31,1%); малозначимы «территория, на которой в данное время проживают представители моего народа» (андо-цезская 14,1%, лезгинская 13,0%, даргинская 10,6%), «территория, на которой, в основном, проживают представители моего народа с другими народами» (андо-цезская 12,1%, даргинская 12,5%, лезгинская 24,8%) и «территория, на которой имеют право жить только представители моего народа» (андо-цезская 9,1%, даргинская 23,5%, лезгинская 28,8%). Таким образом, можно констатировать существование интолерантных установок в позициях двух последних групп, которые подчеркивают отношение к исторической территории своей этнической общности.

Годоберинцы (96,7%), чамалалы (82,5%), цезы (80,0%), багулалы (78,3%), каратинцы (74,5%), хваршины (62,8%), тиндинцы (62,3%), гунзибцы (62,0%), бежтинцы (57,1%), андийцы (56,4%), кубачинцы (56,3%), арчинцы (50,6%), ахвахцы (50,0%), рутульцы (38,1%), ботлихцы (38,0%), кайтаги (37,6%), цахуры (36,9%) под исторической территорией своего народа понимают «территория, на которой жили предки моего народа». Суждение «территория, на которой в данное время проживают представители моего народа» разделяют гинухцы (59,8%), арчинцы (22,2%), агулы (21,6%) и ботлихцы (18,0%). Интолерантных установок, в частности, позиции «территория, на которой имеют право жить только представители моего народа» придерживаются цахуры (42,9%), кайтаги (29,9%), рутульцы (25,7%), ботлихцы (19,0%), кубачинцы (17,2%), хваршины (15,9%), ахвахцы (13,6%), андийцы (13,3%) и арчинцы (12,3%).

Для полноты картины мы использовали модифицированный тест М. Куна и Т. Макпартленда «Я такой человек, который...». По мнению ахвахцев (12,7%), хваршин (12,5%), цезов (13,1%), арчинцев (17,9%), ботлихцев (23,5%), гинухцев (28,6%) «представители другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на их (этнической) национальной территории». Наряду с ограничением права проживания 27,3% каратинцев, 27,8% ахвахцев, 29,4% андийцев, 39,4% цезов и 50,0% ботлихцев придерживаются позиции «я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу». Таким образом, опрошенным характерно рассмотрение территории своего народа с позиции, как территории исторически принадлежавшей их этнической общности, соответственно, стремление доминировать на своей этнической территории.

Выводы:

1. Выдвижение малочисленными дагестанскими народами требований о признании коллективных прав можно понимать, с одной стороны, как удовлетворение экономических интересов, с другой – как попытку сохранить этническую самобытность, национальный язык, этнокультуру, традиционное хозяйство от усиливающегося инокультурного влияния. Андо-цезская, даргинская и лезгинская группы как этническое образование является гетерогенной, но внутренне гомогенным образованием, и существующие внутри каждого из этносов языковые отличия не свидетельствуют об эрозии этнического образования, поэтому ими подчеркивается важность признания их самостоятельными этническими образованиями со всеми присущими им

этническими атрибутами. В отличие от народов, входящих в состав андо-цезской и даргинской группы, народы в составе лезгинской группы являются титульными народами республики, соответственно, они не выдвигают требований определить их этнополитический статус в рамках республики.

2. Важнейшим признаком воспроизводства этнической идентичности и формирования позитивной этнической идентичности малочисленных дагестанских народов является осознание ценности национального (родного) языка. Значимость его как этноинтегрирующего признака подчеркивается всеми опрошенными, за исключением годоберинцев. Проведенное исследование констатирует существующие проблемы в этноязыковой сфере и специфику этноязыковых процессов в республике. Особенностью этноязыкового поведения исследуемых этнических общностей является билингвизм. В республике наблюдается сокращение сфер функционирования национальных языков и, как следствие, ослабление статуса родных языков. В связи с этим актуализирована деятельность национальной интеллигенции, направленная на повышение статуса национального языка: в республике отмечается День родных языков (21 февраля), проводятся мероприятия, способствующие формированию ценностного отношения к языку, отмечается необходимость увеличения количества периодических изданий, теле- и радиопередач на родных языках.

3. Основными маркерами воспроизводства этнической идентичности малочисленных дагестанских народов являются национальный язык, национальные обычаи и традиции, религия, историческая территория, этноним. Перечисленным признакам характерно варьирование в зависимости от ситуации. Так, национальный язык не всегда является этноинтегрирующим компонентом, и можно констатировать его замену иными признаками, что, однако, не свидетельствует о потере значимости данного маркера. Возрастание значимости религии, соответственно, и религиозной идентичности, обуславливает снижение на ее фоне выраженности этнического фактора, что, однако не подтверждает утрату осознания этнических маркеров. Наше исследование доказывает, что религиозная и этническая идентичность тесно связаны между собой, и по сравнению с лезгинской и даргинской группой, андо-цезским народам характерно оценивать ислам как «часть национальной культуры своего народа». Каждый из выделенных маркеров демонстрирует свою востребованность и занимает свое место в иерархии этнических определителей, и в процессе воспроизводства этнической идентичности их роль возрастает или ослабевает в зависимости от ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аклаев А.Р., 1990. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание. Выпуск 1. М.

Гараджа В.И., 2006. Проблема идентичности и потенциал толерантности в развивающейся России // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтничного общества / Сборник статей, посвященный 75-летию чл.-корр. РАО М.Н. Кузьмина. В 2-х ч. Ч. 2. М.

Гумилев Л.Н., 1990. Этногенез и биосфера Земли. Л.

Здравомыслов А.Г., 2001. Трансформация смыслов в национальном дискурсе // Язык и этнический конфликт. М.

Казьмина О.Е., 2009. Русская Православная церковь и проблемы идентичности, религиозного законодательства и прав человека в современной России // Этнографическое обозрение. № 1.

Нерознак В.П., 1994. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 53. № 2. М.

Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998.

Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., 1997. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. № 8.